

Личные судьбы и социальные конфликты

**МЕЖДУ ТЕРРОРОМ И СВЯТОСТЬЮ:
ЖИЗНЬ И СУДЬБА
ИЛЬИ БУНАКОВА-ФОНДАМИНСКОГО (1880–1942)**

А.А. Кара-Мурза
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье исследуется жизненный путь русского интеллектуала и политика Ильи Исидоровича Фондаминского (1880–1942; литературно-политический псевдоним «Бунаков»). Выходец из еврейской купеческой семьи, Фондаминский не смог, из-за «еврейской квоты», получить достойного образования в России и, после окончания частной гимназии, отправился изучать философию и историю в Берлинский и Гейдельбергский университеты, где его профессорами были Куно Фишер, Вильгельм Виндельбанд, Генрих Тоде. После возвращения в Россию в 1904 г. он стал одним из лидеров московского комитета партии социалистов-революционеров (эсеров), участвовал в работе Боевой дружины, готовя террористические акты, а во время декабрьского (1905) вооруженного восстания в Москве приобретал на личные средства партии оружия. Неоднократно арестовывался, а в 1907 г. отправился в первую эмиграцию (1907–1917). После Февральской революции – один из лидеров Исполкома Совета крестьянских депутатов, генеральный комиссар Временного правительства на Черноморском флоте, от которого был избран депутатом Учредительного собрания. После большевистского переворота и разгона учредительного собрания – участник «белого» подполья, а с 1919 г. снова эмигрант. Во Франции И.И. Фондаминский стал одной из центральных фигур русской пореволюционной эмиграции: издавал журналы «Современные записки» и «Новый град», вел большую культурно-просветительскую деятельность, все больше интересуясь вопросами религии. Во время немецкой оккупации Франции Фондаминский принял православное крещение, но в 1942 г. окончил свои земные дни вместе с соплеменниками-евреями в газовой камере гитлеровского Аушвица-Освенцима. В 2004 г. он, вместе с еще тремя русскими подвижниками-эмигрантами, был причислен к лику святых Константинопольским патриархатом Православной церкви.*

Ключевые слова: *И.И. Фондаминский (Бунаков), философия, эмиграция, социалисты-революционеры, террор, православие.*

Идейный плюрализм, благотворно питающий в последние годы наши науки о человеке, увы, пока мало затронул своим вниманием большие пласты конкретных человеческих судеб,

значимых для Отечества, но по-прежнему остающихся совершенно не известными широкому читателю. Одним из таких «белых пятен» нашей истории, по-прежнему, как и в советское время, остаются судьбы людей, подчас выдающихся, по-иному, чем большевики-ленинцы, видевших пути «русского освобождения». К их числу, например, принадлежат интеллектуалы и политики так называемого «народнического» направления; не будем забывать, что именно они, представленные в начале прошлого века партией социалистов-революционеров, собственно и победили на первых всеобщих демократических выборах в России – в Учредительное собрание в 1917 г. Среди наиболее ярких фигур этой плеяды был философ, историк, блестящий журналист и издатель, человек экстраординарной судьбы Илья Исидорович Фондаминский-Бунаков (1880, Москва – 1942, концлагерь Освенцим).

Он родился в конце позапрошлого века, в старой российской столице, в зажиточной еврейской семье. Отец, Израиль Ицкович Фондаминский, уроженец белорусского местечка Шклов, ювелир, был в 1893 г. причислен к купцам первой гильдии, что дало возможность семье проживать в российских столицах. Ближайший друг Ильи Фондаминского, в будущем тоже легендарный эсер, Владимир Михайлович Зензинов, писал в своих мемуарах: «То были ортодоксальные еврейские семьи с крепким бытом и верным исполнением всех обрядов. Но дети, родившиеся в Москве и учившиеся в русских школах, вовсе не унаследовали еврейской ортодоксальности и, хотя принимали участие во всех обрядах семьи, были совершенно чужды еврейской исключительности и всецело восприняли русскую культуру» [Зензинов 1948: 300–301].

Старший брат Фондаминского, Матвей, рано порвал с семьей, примкнул к народолюбцам, неоднократно арестовывался и, не дожив до тридцати лет, скончался от туберкулеза в сибирской ссылке. Надеждой семьи, жившей в престижном доходном доме на углу Тверской и Малого Гнездиновского, оставался Илья, о детских годах которого мы знаем со слов его друга и будущего политического и литературного соратника, Марка Вениаминовича Вишняка: «Увидел я его впервые в уютной и переполненной „молельне“ на Глебовском подворье в московском Зарядье. В ней вынуждены были совместно молиться евреи обоих несогласных между собой толков... В общий молитвенный дом загнали тех и других ограничительные меры генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича и его ретивого обер-полицмейстера Власовского» [Вишняк 1957: 37]. (Вишняк описывает здесь памятный для московских евреев 1891 г., когда новый генерал-губернатор, брат царя, выслал из Москвы 30 тысяч евреев. Воинствующий антисемитизм великого князя стал одной из причин его ликвидации эсерами-террористами 4/17 февраля 1905 г.)

Образование Ильи Фондаминского началось в Москве в 1893 г. с неудачи, о которой в своих мемуарах рассказал его приятель Вишняк: «Мы оба хотели попасть в гимназические классы Лазаревского Института восточных языков. И обоим это не удалось, хотя оба на экзамене получили хорошие отметки, – Илюша лучшие, чем я. Он держал экзамен во 2-й класс, я в первый, а для ребят иудейского исповедания была всего одна вакансия. Нас обоих „обшел“ и занял первое место некий Румер, державший экзамены в подготовительный класс» [Вишняк 1957: 37]. (Добавлю, что, согласно действовавшим на тот момент правилам, доля учащихся-евреев в Москве не должна была превышать 3 %. Попасть по этой квоте в «Лазаревку» ранее удалось в 1886 г. будущему известному философу Семену Людвиговичу Франку, где, вместе с ним успешно проучился не имевший проблем с поступлением мой родной дед, будущий присяжный поверенный, журналист и театровед Сергей Георгиевич Кара-Мурза, оставшийся после революции в России).

Справедливости ради надо добавить, что «некий Румер» – еврейский юноша, о котором несколько снисходительно упоминает Вишняк, вырос в выдающемся интеллектуале. Осип

Борисович Румер (1883–1954) выучил в совершенстве двадцать шесть (!) иностранных языков и стал известным советским переводчиком восточной и западной поэзии.

Что касается Ильи Фондаминского, то после «осечки» с «Лазаревкой», богатый отец отдал его в престижную частную гимназию Франца Креймана (расположенной в построенном по проекту Казакова «доме Глебова» на Петровке), по окончании которой перед Ильей снова встал вопрос о продолжении образования.

Портрет молодого Фондаминского нарисовал в своих мемуарах Зензинов: «Это был стройный и высокий юноша, красавец, немного, пожалуй, артистической наружности, хороший спортсмен... Он хорошо танцевал, говорили, что он проявил способности в музыке, но почему-то забросил уроки на рояле, уже тогда он отличался увлекательным красноречием. В нем вообще было нечто врожденно художественное, пылкое, увлекательное» [Зензинов 1948: 301].

Близкой подругой детства и юности Фондаминского была Амалия Гавронская – девушка необыкновенной красоты, дочка известного еврейского интеллектуала Осипа Гавронского и внука (по матери) «чайного короля», миллионера Вульфа Высоцкого. Илья часто бывал у Гавронских, в том числе в их новой большой квартире в доме Страхового общества «Россия» на Лубянской площади – в том самом, который после революции был национализирован и отдан ведомству Дзержинского. «Страшно подумать, – писал в своих мемуарах Зензинов, – что в наивной девичьей комнатке Амалии Гавронской, окнами выходившей на Лубянскую площадь, сейчас быть может кабинет советского жестокого следователя...» [Зензинов 1948: 301].

В те годы, среди состоятельных московских евреев, было обычным делом, учитывая внутрироссийские ограничения, посылать детей учиться в заграничные университеты, причем, главным образом, на две специальности – медицину или философию. Поздней осенью 1900 г. уехали на зимний семестр учиться философии в Берлин и Илья Фондаминский с Амалией Гавронской.

На летний семестр 1901 г. они перевелись на философский факультет Гейдельберга, где среди их профессоров были выдающиеся ученые: историю философии им преподавал Куно Фишер, психологию и логику – Теодор Элзенганс, историю искусств – Генрих Тоде, конституционное и международное право – Георг Иеллинек, историю литературы – Карл Фосслер. (С 1903 г. Илья и Амалия активно занимались и в философских семинарах переехавшего из Страсбурга в Гейдельберг Вильгельма Виндельбанда).

В Гейдельберге Фондаминский активно включился в работу «русского кружка», находящегося под влиянием набирающей силу партии социалистов-революционеров. Когда, спустя некоторое время, в Гейдельберг учиться к тому же Виндельбанду приехал еще один будущий знаменитый русский философ Серебряного века, Федор Августович Степун, он имел возможность оценить обширные знания и ораторские способности Фондаминского, старшего товарища по философским семинарам, все чаще выступавшего под новым партийным псевдонимом «Бунаков».

Тогда, на очередном заседании «русского кружка», арендовавшего, как было принято, один из местных пивных ресторанов, выступал приехавший из Швейцарии известный социал-демократ, близкий соратник Ульянова-Ленина, Лев Григорьевич Дейч. «Вскоре после Дейча, – вспоминает Степун, – очевидно в порядке партийного соревнования, в качестве застрельщика против марксистов выступал Бунаков... Он говорил горячо, умело пользуясь сухими статистическими данными, как хворостом для своего революционного костра. Эсеры хлопали, эсдеки насупленно пожимали плечами» [Степун 2000: 90].

Весной 1902 г. Фондаминский, возвращаясь из Германии в Россию на каникулы, был впервые арестован на немецко-русской границе и два месяца отсидел «в превентивном по-

рядке» в петербургском Доме предварительного заключения, без предъявления обвинения и без суда. Здесь с ним и произошло то «духовное преображение», о котором он позже рассказал Зензинову: «Ему казалось, что стены одиночки раздвинулись и духовному сознанию открылась новая и светлая правда, ради которой только можно и должно жить... Именно тогда и произошел с ним перелом, после которого в нем родилось – и чем дальше, тем сильнее – укреплялось религиозное сознание, сделавшее из него в конце концов глубоко и искренне верующего человека, христианина» [Зензинов 1948: 303–304].

Видимо, именно об этом эпизоде написал и близко знавший потом Фондаминского в эмиграции Георгий Петрович Федотов: «По его (Фондаминского. – А. К.) словам, он однажды пережил тяжелое душевное потрясение, приведшее его к нервной болезни, – может быть, на порог безумия. Из кризиса он вышел обновленным, но далось ему это нелегко. Он должен был с огромными усилиями строить в себе нового человека» [Федотов 2004: 267].

Стоит подчеркнуть, что «религиозное преображение», о котором свидетельствуют и Зензинов, и Федотов (тоже в юности переболевший почти религиозной верой в социализм), вылилось у молодого Фондаминского в эсеровскую идею жертвенности во имя революции и даже готовности «идти на террор», ценой собственной жизни.

«В наших бесконечных задушевных разговорах (с Ильей Фондаминским. – А.К.), – вспоминал Зензинов, ставший одним из лидеров эсеровской Боевой организации, – мы столько раз говорили между собой о терроре. Для нас, молодых кантианцев, признававших человека самоцелью и общественное служение обуславливавших самоценностью человеческой личности, вопрос о терроре был самым страшным, трагическим, мучительным. Как оправдать убийство и можно ли вообще его оправдать?» [Зензинов 1957: 107–108].

«Убийство при всех условиях остается убийством, – продолжает Зензинов. – Мы идем на него, потому что правительство не дает нам никакой возможности проводить мирно нашу политическую программу, имеющую целью благо страны и народа. Но разве этим можно его оправдать? Единственное, что может его до некоторой степени, если не оправдать, то субъективно искупить, это принесение при этом в жертву своей собственной жизни. С морально-философской точки зрения акт убийства должен быть одновременно и актом самопожертвования» [Зензинов 1957: 108].

Интересные соображения относительно принципиального различия между этикой русских социалистов-революционеров и умонастроением победивших и вытеснивших их в итоге большевиков-ленинцев оставила нам В.А. Чаликова [Чаликова 1990: 20–24]. Боевики-эсеры – Зензинов, Фондаминский-Бунаков (и, кстати, старший брат Ленина – Александр Ульянов) были «из тех, кто еще верил в исправление мира подвигом и жертвой – убийством одного и искупающей убийство гибелью другого, его крестной мукой». Народовольцы-эсеры «еще читали некрасовские строки так, как они были написаны: „Дело прочно, когда под ним струится кровь“, – то есть *моя* кровь» (выделено Чаликовой. – А. К.) [Чаликова 1990: 22].

Чаликова продолжает: «В ленинизме не было жажды жертвы... Крест его не манит..., „положить живот за други своя“ ему не сладостно. Оказалось, можно заниматься ликвидацией людей и быть спокойным, уравновешенным: играть в шахматы, удить рыбу, наслаждаться горными прогулками. Тут была важная деталь: не делать ничего такого собственноручно...» [Чаликова 1990: 22].

А пока Фондаминский, выйдя весной 1903 г. из заключения, женился на Амалии Гавронской: в качестве приданого он, сам человек небедный, получил, помимо крупной денежной суммы, еще и долю в чайных плантациях семьи Высоцких на Цейлоне. В свадебное путешествие Илья и Амалия отправились в Италию (сказалось влияние блестящего Генриха Тоде и его гейдельбергских лекций по истории искусства): были в Венеции, Ассизи, Флоренции, Риме, Неаполе, на острове Капри. «К поездке серьезно готовились, – вспоминал всю

жизнь безнадежно влюбленный в жену друга Зензинов. – Изучали искусство Возрождения, прочитали в Москве кучу книг по искусству. Вероятно, это был один из самых счастливых периодов его (Ильи Фондаминского. – *А. К.*) жизни... С какой радостью он находил в ликах беллиниевских Мадонн черты любимой, а на ее живом лице отблески, как ему казалось, Мадонны Беллини... В позднейшие годы он много и серьезно искусством занимался, много знал, составил богатейшую библиотеку на разных языках, имел огромную коллекцию фотографий, изучал музеи Италии, Парижа, Берлина, Испании» [Зензинов 1948: 304].

Так, чередуя обучение в Берлине (осенью-зимой) и Гейдельберге (весной-летом), Илья и Амалия в самом конце 1904 г., вернулись с немецкими философскими дипломами в Россию – в самый канун первой революции. Как искусный оратор, Фондаминский вскоре вошел в руководство московских эсеров, имел шумный успех на массовых митингах: его новыми партийными прозвищами были «Лассаль» и «Непобедимый». В 1905 г. он – участник нескольких громких терактов против деятелей режима. Был кооптирован в ЦК эсеровской партии, принял участие в организации московского декабрьского вооруженного восстания, покупая на личные средства крупные партии оружия.

После поражения революции и наступления «стольпинской реакции» Фондаминский, вместе с молодой женой, отправился в их первую парижскую эмиграцию, которая продлилась с 1907 г. по весну 1917 г. После Февраля он вернулся в Россию, где вскоре был избран товарищем (заместителем) председателя Исполкома Совета крестьянских депутатов. Летом 1917 г., когда его близкий друг Николай Авксентьев стал министром внутренних дел во Временном правительстве Керенского, их соратник по эсеровской партии Бунаков-Фондаминский был направлен, как выдающийся организатор и митинговый оратор, Генеральным комиссаром на Черноморский флот с целью противодействовать его большевизации после отставки с поста командующего флотом адмирала Колчака.

Вишняк написал о том периоде в жизни Фондаминского: «Он приобрел во флоте многих приверженцев и личных „обожателей“, но осилить напиравшую стихию ему не удалось. Его избрали членом Учредительного Собрания от Черноморского флота, но это была Пиррова победа: верх взяла возглавлявшая большевистские ячейки в Севастополе некая Островская» [Вишняк 1957: 40–41]. Добавлю, что именем известной большевички Н.И. Островской, которую высоко ценил сам Ленин, названы, с советских времен, многочисленные улицы по всему Крыму. Зато имени Ильи Бунакова-Фондаминского, «белого» депутата Учредительного собрания, который героически противостоял поражению перед лицом Германии (что привело в конце концов, по Брестскому договору, к затоплению нашего Черноморского флота), в современном российском Крыму, судя по всему, никто не знает.

Первое и единственное заседание Учредительного собрания в ночь с 5 на 6 января 1918 г. описал эсеровский депутат Зензинов: «Мы входили в здание с высоко поднятой головой, готовые на жертвы ... многие из нас были уверены, что не вернутся живыми домой... Мы, депутаты, были окружены разъяренной толпой, готовой каждую минуту броситься на нас и нас растерзать...» [Зензинов 1919: 99].

В ту ночь депутат Фондаминский, выступая с трибуны, едва избежал смерти. Его друг, секретарь Учредительного собрания Вишняк, вспоминал: «Какой-то матрос, признав в Бунакове-Фондаминском бывшего комиссара черноморского флота, без долгих размышлений, тут же у трибуны, взял наизготовку ружье и нацелился на него, стоявшего на трибуне. Только истуленный окрик случайного соседа, эс-эра из сектантов, позднее обернувшегося большевистским сексотом: „Брат, опомнись!“, сопровождаемый энергичным ударом по плечу, остановил шалого матроса» [Вишняк 1954: 50].

После разгона Учредительного собрания Фондаминский – активный член подпольного «Союза возрождения». Одновременно, он редактировал в Москве эсеровскую газету «Возро-

ждение», о которой оставил мемуары его товарищ по германским философским семинарам Степун: «Душою нового начинания был мой старый гейдельбергский знакомый Илья Исидорович Фондаминский-Бунаков, Ему, влюбленному во французскую культуру, французский язык и французскую журналистику, старому парижскому эмигранту, уже давно начавшему разочаровываться в политике как таковой, страстно мечталось создать в Москве большую газету нового типа, некий социалистический „Temps“» [Степун 2000: 90; Зензинов 1953: 39–40].

Летом 1918 г., опасаясь большевистских репрессий, Илья и Амалия Фондаминские уехали на юг, в «белую» Одессу, но в первых числах апреля 1919 г. интервенты-французы сдали город большевикам. Фондаминские эвакуировались тогда на французском пароходе сначала на о. Халки близ Константинополя, а оттуда – через Марсель – в Париж. Квартиры Фондаминских на *Рю Черновиц, 1*, а затем на *Авеню де Версай, 130* в 16-м округе Парижа в течение многих лет были одними из главных культурно-политических центров русской эмиграции.

В столице Франции Фондаминский стал одним из соредкторов самого авторитетного русского журнала «Современные записки», в котором с 1920 по 1940 гг. публиковался «весь цвет» русской эмиграции. А в 1931–1939 гг. он, вместе с Федотовым и Степуном издавал одновременно христианско-демократический журнал «Новый град». (В 2020 г., усилиями О.А. Коростелева и Е.А. Андрущенко, многочисленные эмигрантские работы Бунакова-Фондаминского были изданы отдельной книгой [Бунаков-Фондаминский 2020])

В 1935 г. умерла долго болевшая туберкулезом Амалия Осиповна. Доля вдовца в семейном чайном бизнесе клана Высоцких (чья штаб-квартира после бегства из Советской России переместилась в «свободный город Данциг») существенно возросла, и в оставшиеся ему годы Илья Исидорович все свои средства тратил на меценатство и благовоительность: помогал молодым эмигрантским писателям и поэтам, содержал в Париже Русский драматический театр...

Вместе с философом Николаем Александровичем Бердяевым и матерью Марией (Скобцовой) Фондаминский стал основателем парижского объединения «Православное дело». Близкие вспоминали, что последним его, бывшего эсера-радикала, человеческим увлечением был Махатма Ганди с его идеями ненасильственного сопротивления угнетателям. В одном из своих парижских докладов, выступивший, как всегда, с непревзойденным блеском Фондаминский говорил: «Вот Индия. 300 миллионов людей – пятая часть человечества. Тысячелетия Индия жила недвижимо и спокойно. Но вот пришел голый человек, почти безумный – Махатма Ганди – и увлек души людей мечтою о новой жизни...» [Бунаков 1932: 31].

В июне 1940 г. Фондаминский уехал из Парижа от наступающих немецких войск в неоккупированную зону. После нападения нацистской Германии на СССР он был арестован и, вместе с многими другими русскими, содержался в лагере Компьен. 20 сентября 1941 г., после всенощной службы под праздник Рождества Богородицы, священник Константин Замбрицкий (настоятель Свято-Троицкого храма в Клиши, сам находившийся в заключении) тайно крестил Фондаминского в православной часовне, устроенной в одном из барачков. По свидетельству крестного отца Фондаминского, Ф.Т. Пьянова, тот был вдохновлен и радостен, чувствовал себя удивительно спокойным, веселым и счастливым, был готов и на жизнь и на смерть, поскольку познал, «что такое благодать» [Гаккель 1992: 203].

«Почему Фондаминский остался в Европе?», – задавался в своих мемуарах «Поля Елисейские. Книга памяти» его младший товарищ, литератор Василий Яновский: «Из Америки прибывали письма, зовущие Фондаминского воспользоваться визой; приятели давно уже бежали из свободной зоны. Керенский еще в июне 1940 г. перешел границу Испании. Зензинов, попавший корреспондентом в Финляндию, через Швецию пробрался в Нью-Йорк...

А в Фондаминском давно уже разгоралась страстная жажда политического борца хоть раз в жизни не отступить с поля брани и если нужно умереть с оружием в руках! Хоть раз не убежать!» [Яновский 1993: 156]

Последние строчки, оставшиеся от Фондаминского, были написаны им 8 августа 1942 г. в лагере Компьен – к известной поэтессе-эмигрантке Тэффи, на лагерной открытке с индивидуальным номером заключенного (№ 171), на французском языке: «Я держусь замечательно: я всегда спокоен, весел и доволен, хотя и тощ, как Ганди» [Современные записки... 2014: 575].

В 1942 г. Фондаминский был отправлен из Компьена в пересыльный лагерь Дранси, а затем в Аушвиц (Освенцим), где и погиб, не признавшись в христианском обращении, вместе с евреями-соплеменниками 19 ноября 1942 г.

В 2004 г. Священный Синод Константинопольского Патриархата канонизировал четырех новомучеников – выходцев из России, окончивших свой земной путь в изгнании: Мать Марию (Скобцову); ее сына, иподиакона Юрия Скобцова; священника Дмитрия Клепинина и мирянина Илью Фондаминского (день памяти новых святых в Православной Церкви – 20 июля).

Русский эмигрантский писатель Аминад Шполянский (Дон-Аминадо) писал: «Бунаков был бурнопламенный, горел, пылал, перегорал, испепелялся. В качестве комиссара Временного правительства один боролся со всем Черноморским флотом, требовавшим углубления революции. В полном изнеможении вернулся в Петроград и, подобно многим, только в самую последнюю минуту покинул советский застенок, посвятив все годы своего невольного изгнания беззаветному и страстному служению родине... Превыше всех путей был для него путь религиозного устремления, путь поздно обретенной веры, тяжкое и мучительное восхождение на гору Фаворскую, вершины которой открылись ему уже в концентрационном лагере Компьен и в предсмертном бреде в немецкой газовой камере...» [Дон-Аминадо 1994: 679].

Бунаков И. 1932. Два кризиса. – *Новый град*. – № 2. – С. 28–37.

Бунаков-Фондаминский И.И. 2020. Пути России (Ред. О.А. Коростелев, Е.А. Андрущенко). – М.: Изд-во ИМЛИ РАН. – 688 с.

Вишняк М.В. 1954. Дань прошлому. – Нью-Йорк: изд-во им. Чехова. – 409 с.

Вишняк М.В. 1957. «Современные записки». Воспоминания редактора. – Блумингтон: Indiana University Publ. – 240 с.

Гаккель С., свящ. 1992. Мать Мария (2-е изд.). – Париж: Имка-пресс. – 279 с.

Дон-Аминадо. 1994. Наша маленькая жизнь. – М.: Терра. – 769 с.

Зензинов В.М. 1919. Из жизни революционера. – Париж: [Б. и.]. – 119 с.

Зензинов В.М. 1948. Памяти И.И. Фондаминского-Бунакова. – *Новый журнал*. – Нью-Йорк. – Кн. 18. – С. 299–317.

Зензинов В.М. 1953. Пережитое. – Нью-Йорк: изд-во им. Чехова. – 416 с.

Кара-Мурза А.А. 2018. Москва «до» и «после» революции: социология родного города в сочинениях Федора Степуна. – *Социологическое обозрение*. – Т. 17. – № 2. – С. 99–118.

Современные записки... 2014. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции (ред. О. Коростелев, М. Шруба). Т. 4. – М.: Новое литературное обозрение. – 1152 с.

Степун Ф.А. 2000. Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Алетейя. – 651 с.

Федотов Г.П. 2004. И.И. Фондаминский в эмиграции. – Федотов Г.П. *Собрание сочинений в 12 тт. Т. 9. Статьи американского периода*. – М.: Мартис. – С. 264–277.

- Чаликова В.А. 1990. С Лениным в башке. – *Век XX и мир*. – № 8. – С. 20–24.
- Яновский В. 1993. Поля Елисейские. – СПб.: Пушкин фонд. – 276 с.